



Изв. вузов «ПНД», т. 15, № 1, 2007

**ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА И КУЛЬТУРА –
МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА**
Комментарии к книге Хосе Ортеги-и-Гассета
«Миссия университета»

Д.И. Трубецков

Тот, кого мы сегодня называем «человеком образованным», не более чем век назад назывался «человеком просвещенным», то есть тем, кто видит пути жизни в ясном свете... Отсюда историческая важность необходимости вернуть университету его центральную задачу «просветить» человека, приобщить его к полноте культуры своей эпохи, открыть ему с ясностью и необходимостью огромный настоящий мир, в который он должен втиснуть свою жизнь, чтобы она стала аутентичной. Я сделал бы из «факультета культуры» ядро университета и всего высшего образования.

*Хосе Ортега-и-Гассет.
Миссия университета*

В XX веке университеты потеряли функцию приобщения студентов к «общей культуре», более того, культура потеряла свой первоначальный смысл воспитания определенных убеждений, которыми человек мог бы руководствоваться на протяжении всей своей жизни, помимо владения только системой представлений о мире и человечестве. Это было естественным, поскольку на университет была возложена ответственность за подготовку профессиональных специалистов и проведение научных исследований.

Изменилось время. Пришел XXI век. Изменилось и предназначение университета – его миссия. Это не удивительно. Удивительно, что великий испанский писатель и философ, вообще один из выдающихся интеллектуалов XX века Хосе Ортега-и-Гассет написал об этом более семидесяти лет назад. Он полагал, что «современный "средний" европейский человек оказался лишенным культуры... Этот новый "варвар" является профессионалом, он более учен, чем когда бы то ни было прежде, но в тоже время и более бескультурен – инженер, врач, юрист, ученый».

Кто он, этот выдающийся мыслитель, которому в 2006 году исполнилось бы 123 года?

Ортега родился 9 мая 1883 года в Мадриде. Образование получил в Малаге и Мадриде. Доктором философии он стал в 1904 году, профессором метафизики Мадридского университета – в 1910.

Первая книга – «Размышления о Дон-Кихоте» – была опубликована в 1914 году. В том же году он прочитал свою знаменитую лекцию «Старая и новая политика» – своеобразный манифест молодых интеллектуалов того времени, в котором изложена их позиция в отношении политических и моральных проблем Испании. Ортега, как и многие профессора университета, отказался от должности, когда в декабре 1923 года генерал Primo de Rivera провозгласил себя диктатором Испании. С началом гражданской войны Ортега покидает страну и в 1936-1945 годах живет в Европе, Аргентине и Португалии. В 1948 году он основывает в Мадриде Институт гуманитарных наук. Умер Хосе Ортега-и-Гассет в Мадриде 18 октября 1955 года.

Главная идея в философии Ортеги в том, что человек не может рассматриваться в отрыве от окружающих его обстоятельств истории. Он определяет человека так: «Я есть Я и мое окружение».

Стиль Ортеги изобилует метафорами, он ярок и выразителен. Всемирную славу ему принесла переведенная на русский язык работа «Восстание масс» (1930). Удивительно свежо выглядит и работа «Миссия университета» (1930), в которой Ортега изложил свои представления об университете и его задачах.

Известная на русском языке часть работы Ортеги «Миссия университета» (глава IV) называется так: «То, чем современный университет должен быть в первую очередь. Университет, профессия и наука». Приведем фрагменты из главы с современным комментарием.

«Рассмотрим следующие положения:

А. Университет, *в первую очередь*, представляет собой высшее образование, которое должен получить средний человек.

В. Среднего человека нужно сделать, *прежде всего*, человеком культурным, поместить его вровень со временем. Таким образом, *первичная и центральная* функция университета – это преподавание главных культурно-значимых дисциплин.

Эти дисциплины, области знания:

1. Физическая картина мира (физика).
2. основополагающие темы органической жизни (биология).
3. Историческое развитие человеческого рода (история).
4. Структура и функционирование общественной жизни (социология).
5. План мироздания (философия)».

Если к первым двум указанным дисциплинам добавить «Науки о Земле», то мы приходим к курсу «Концепции современного естествознания». С позиций сегодняшнего дня все вместе указанные культурно-значимые дисциплины могут быть рассмотрены единым образом в рамках нелинейной динамики макроскопических открытых систем или синергетики. Макроскопические открытые системы состоят из многих объектов, принимаемых за элементы структуры. Элементы могут быть микроскопическими (атомы или молекулы в физических и химических системах), но могут быть малыми, оставаясь все же макроскопическими (макромолекулы в полимерах, клетки в биологических структурах). Они могут быть и не малыми телами (например, «элементарные» объекты в социологии). Из-за сложности открытых си-

стем в них возможно образование различного рода структур. Более того, сложность открытых систем представляет широкие возможности существования в них коллективных явлений. Подчеркивая роль кооперации при образовании структур, Герман Хакен ввел термин «синергетика», что означает коллективное действие.

По Ю.Л. Климонтовичу, «синергетика – не самостоятельная научная дисциплина, но новое междисциплинарное научное направление; цель синергетики – выявление общих идей, общих методов и общих закономерностей в самых разных областях естествознания, а также социологии и даже лингвистики; более того, в рамках синергетики происходит кооперирование различных специальных дисциплин».

Синергетика сегодня – это еще и мост между естественными и гуманитарными науками, мост между двумя культурами по Чарльзу Сноу.

В выступлении ректора МГУ В.А. Садовниченко на Всероссийском совещании заведующих кафедрами гуманитарных и социально-экономических дисциплин (Москва, МГУ, 20-21 ноября 2003 г.) есть раздел «Гуманитарный и естественно-научный секторы: взаимосвязь и взаимозависимость проблем». Садовничий, в частности, подчеркивает все большее и большее усложнение высшей школы из-за переплетения и роста взаимозависимости ее гуманитарного и естественно-научного секторов.

Гуманитарии, к сожалению, не видят необходимости в естественно-научном образовании и боятся естествознания. Конечно, это рудименты. Как справедливо пишет В.А. Садовничий, десятилетиями естественно-научное образование гуманитариев считалось надуманной проблемой. Позволим себе длинную цитату.

«Полагали, что краткий курс материалистической диалектики с цитатами из "Анти-Дюринга" и "Диалектики природы" – вот все, что нужно для естественно-научной подготовки гуманитария и обществоведа. Неважно, что он не отличал "бином" от "генома".

Вместе с тем, сущность естественно-научного образования специалистов гуманитарного профиля очень точно полвека тому назад раскрыл Эрвин Шредингер, подчеркнув, что "все естественные науки связаны с общечеловеческой культурой" и что "научные открытия, даже кажущиеся в настоящий момент передовыми и доступными пониманию немногих избранных, все же бессмысленны вне своего культурного контекста", что теоретические построения науки "служат в итоге для включения в концепции, предназначенные для надежного усвоения образованной прослойкой общества и превращения в органическую часть общей картины мира"».

Как указывает ректор МГУ, само гуманитарное образование нуждается в новых идеях, причем поиски его нового облика идут нелегко. По С. Аверинцеву, «понимание – главная проблема гуманитарных наук».

Разумеется, еще одна причина того, что гуманитариям нужно естествознание, – применение количественных методов исследования в истории, лингвистике, социологии, не говоря уже об экономике и психологии. По поводу двух последних дисциплин трудно сказать, чего в них больше, – естественно-научного или гуманитарного. Естественно-научная культура живет будущим. Гуманитарная – прошлым. Первая умеет. Вторая – желает и мечтает. Пропасть между ними – из-за непонимания, незнания или недооценки языка коллег. В этом опасность для будущего цивилизации.

Следующий шаг Ортеги.

«С. Нужно сделать из среднего человека хорошего специалиста. Наряду с обучени-

ем культуре, университет – средствами интеллектуально более трезвыми, непосредственными и эффективными – учит студентов быть хорошими медиками, хорошими судьями, хорошими преподавателями математики или истории».

А как же наука?

«Д. У среднего человека нет никакой причины становиться ученым, он не обязан посвятить себя науке. Скандальный вывод: наука в прямом смысле слова, то есть научное исследование, не является прямой и базовой функцией университета, и без особой причины и не должна являться таковой. Тем не менее в некотором смысле университет неотделим от науки и, следовательно, должен включать также и научное исследование...»

На указанную тему есть любопытный пример в статье Арнольда В.И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели (Природа, 1998, № 4). Хорошо известно, что простейшая модель роста населения Земли ($dx/dt = kx$), предложенная Мальтусом, ведет к экспоненциальному росту населения. С определенными оговорками эта жесткая модель применима, например, к развитию науки в 1700–1950 гг., измеряемому, допустим, числом научных статей. Продолжение экспоненциального роста в следующем веке быстро привело бы к исчерпанию чернил и бумаги, а число ученых достигло бы 1/2 населения земного шара. Общество не может допустить этого, и развитие науки должно быть подавлено.

Сегодня существует и особое мнение о будущем науки, заключающееся в вопросе: «Станет ли наука экзотикой?» Так, в частности, называется статья, излагающая беседы двух известных физиков, большую часть своей жизни проработавших в Советском Союзе и в разное время эмигрировавших из него – М.Я. Азбеля и М.И. Каганова. Мы вернемся к этой теме, а сейчас вновь обратимся к работе Ортеги.

Прежде всего, он предлагает отделить профессию от науки, подчеркивая, что «в первоначальном понимании наука – это только исследование: формулировать проблемы, биться над ними и приходиться к решению». И далее: «Как только достигнута эта цель, все остальное наукой уже не является. Поэтому не является наукой изучение науки или преподавание... Наука это одна из самых возвышенных вещей, которые человек создает и производит. Поэтому она выше университета, в котором только учат. Наука – это творчество, а педагогическая деятельность только стремится обучать этому творчеству, передавать его и обеспечивать его усвоение. Наука – вещь столь возвышенная и тонкая, что просто не дает приблизиться к себе среднему человеку. Она ждет избранных. Ученый представляет собой своеобразного инока...»

И что важно, наука – вещь высокого уровня. Наука, но не ученый. Человек в науке – это один из способов человеческого существования, столь же ограниченный, как и любой другой, и даже более».

Профессиональное образование и научное исследование должны быть разделены. Первое включает в себя, главным образом, получение систематизированных знаний, то есть речь идет о содержании, а не об исследовании.

На языке сегодняшнего дня речь идет о качестве преподавания и государственных стандартах, которые стали всячески клеймить: они изжили себя «как инструмент отбора и содержания образования», они были «весьма полезны для периода ломки и перемен», а теперь тормозят включение в содержание образования «новейших достижений теории», мешают ориентации на потребности профессиональной деятельности и т.д., и т.п.

Анализируя ситуацию, В.А. Садовничий в уже упоминавшемся выступлении указывает следующее.

«Я придерживаюсь противоположного мнения. Отказ от госстандартов – никакая не либерализация системы образования, а широкая дорога для проникновения в нее шарлатанов и всяких уличных невежд».

В качестве отрицательной иллюстрации «взрывного характера» гуманитарного сектора образования ректор МГУ приводит политологию, время жизни которой у нас 10-12 лет, что для становления университетской дисциплины крайне мало, если вспомнить, из чего произошла наша политология. Вспомним Ахматову:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут цветы, не ведая стыда,
Был скромный одуванчик у забора,
А выросла такая лебеда.

Лебеда выросла внушительная: по специальности ВАКа «23.00.00 – Политические науки» уже защищены сотни кандидатских и докторских диссертаций. Возникла индустрия постградуальной подготовки политологов.

Прочитируем вновь В.А. Садовничего.

«Поставленная на поток подготовка кадров – политологов высшей квалификации отнюдь не означает их действительно высокого в научном и педагогическом отношении уровня. Могу сказать, что такая работа под силу, да и то при существенных ограничениях на количество соискателей, лишь развитым научным школам, о какой бы отрасли знаний и науки речь бы ни шла. Я не знаю, есть ли такие научные школы в нынешней российской политической науке, в наших университетах и вузах? Ведь большая часть диссертационных защит приходится на вузы. А это должно, по меньшей мере, означать, что в этих вузах существует развитая научная политология, имеется серьезный научно-исследовательский потенциал».

Вряд ли за российское время жизни политологии появились признанные научные школы. В связи с этим вспоминается фраза Герцена Шера, идеолога с американской стороны программы Фундаментальные исследования и высшее образование: «Только не ставьте во главе проекта политолога».

Стандарты необходимы. Они должны четко определять, что представляет собой врач, судья, адвокат, учитель и т.п. Как это отражено в общественном сознании, кто этим занимается, где это зафиксировано и как? Полного ответа на эти вопросы нет.

Другое различие, выделяемое Ортегой, – между наукой и культурой. Начнем с его определения культуры.

«Культура – это система жизненных идей, которой обладает каждая эпоха. Или так: это система идей, благодаря которым время живет... Действительность, которую мы привыкли называть "человеческой жизнью", наша жизнь, жизнь каждого не имеет ничего общего с наукой об органических телах... Первоначальный и более истинный смысл слова "жизнь" является не биологическим, а биографическим. Это слово означает комплекс того, что мы делаем и чем являемся, – тяжелый труд, который каждый человек должен делать самостоятельно, – удержаться в мироздании, быть в ладах с миром и определенным образом вести себя среди вещей и живых существ этого мира.

Жить – уж точно значит взаимодействовать с миром, стремиться к нему, реализоваться в нем, заниматься им... Итак, человек не может жить, не реагируя на начальный

аспект своего окружения, не создавая в воображении его интеллектуальную интерпретацию и свое возможное поведение в мире».

Культура (образованность, ступень развития), по Ортеге – самая современная система жизненных идей, которая представляет высший уровень времени. «Кто останется ниже нее, кто живет идеями архаичными, тот обрекает себя на жизнь низшую, более тяжкую, печальную и примитивную. Это позиция человека или народа необразованного... Он обладает идеей мира менее точной, чем другие. Будучи человеком ниже жизненного уровня своего времени, он превращается в человека неполноценного».

Культура не является наукой, потому что в науке есть разделы, не представляющие собой культуру, а лишь научную технологию. Культура обязана владеть целостной идеей мира и человека. Вот почему синергетика так близка к культуре как носительнице высшего уровня времени. Удивительно ярко пишет на эту тему Ортега. «Жизнь не может ждать, пока науки научным образом объясняют Мироздание... Живут здесь и сейчас. Жизнь – это выстрел в упор. И культура, которая является лишь интерпретацией жизни, также не может ждать. Это подтверждает ее отличие от науки. Опираясь на науку, не живут. Если бы физик должен был жить исходя из идей своей физики, будьте уверены, что он не жеманился и не ждал, что через 100 лет другой исследователь дополнит наблюдения, которые он начал. Он отказался бы от полностью точного решения и досрочно дополнил бы приблизительными или правдоподобными соображениями то, чего пока не хватает и чего не будет хватать всегда в доктринальном корпусе физики».

Ортега называет культуру планом жизни, путеводителем по лесу существования. Он видит историческую миссию университета в просвещении человека, общении его к культуре своей эпохи, в открытии ему огромного настоящего мира и определении его места в нем.

Ортега пишет следующее.

«Я сделал бы из "факультета культуры" ядро университета и всего высшего образования. Выше была изображена картина его предметов. Каждый носит два названия. Например, "физический образ мира" (физика). Этой двойственностью в названии хотят показать разницу между культурологической дисциплиной и соответствующей наукой, от которой она питается. На "факультете" культуры не будет изучаться физика, как она предстает тому, кто собирается стать физико-математическим исследователем. Физика культуры – строгий идеологический синтез образа и функционирования материального мира, которые опираются на исследования физики, наработанные на сегодняшний день. Кроме того, этот предмет будет демонстрировать способ познания, который использует физик, чтобы прийти к своему чудесному сооружению. Такой подход позволит студенту ясно осознать, что примерно представлял собой "мир", в котором жил человек вчера и позавчера, либо тысячу лет назад, и, наоборот, получить ясное понимание специфики нашего современного мира».

Для реализации сказанного удачно подходит новая специальность «Физика открытых нелинейных систем» с квалификацией «Физик, системный аналитик». В ее рамках легко соблюсти указанную выше двойственность. Здесь нет страха перед тем, что математика не позволит чего-то понять. Математика обширна, но не столь уж премудра, она «ясна как дважды два». К тому же сегодня использование вычислительных машин значительно уменьшает сложность математических методов, необходимых физике. По-существу, речь идет об упрощении преподавания математики за счет обучения новым информационным технологиям.

Ортегу трудно (да и не нужно) пересказывать. Он предлагает некую квинтэссенцию сравнения науки и культуры.

«Вот повод, чтобы в первый раз торжественно провозгласить: если не будет осуществляться этот тип интеллектуальной деятельности, посвященной не столько возвышению науки в привычном смысле исследования, сколько упрощению и выделению ее квинтэссенции, без потери сущности и качества, то будущее науки будет катастрофическим...

Нужно гуманизировать ученого. Нужно, чтобы человек науки перестал быть тем, кем он с плачевной частотой является сейчас – варваром, который много знает о некотором предмете. К счастью, первые фигуры поколения настоящих ученых чувствовали себя вынужденными, по внутренней необходимости своей собственной науки, дополнять свою специализацию всесторонней образованностью. Остальные неизбежно пойдут по их следам».

И далее.

«Это заставляет предпринять попытку новой интеграции знания, которое сегодня продолжает делить мир на части... Сегодня отсутствует полностью, хотя это может показаться клеветой, университетская педагогика. Если наука навела порядок в жизни, сейчас необходимо будет навести порядок в науке, организовать ее. Поскольку невозможно ее регламентировать, надо сделать возможным ее здоровое сохранение. Для этого нужно наполнить ее жизнью, то есть придать ей форму, совместимую с человеческой жизнью, которая ее создала и для которой она была создана. В противном случае не стоит опираться на праздный оптимизм: наука сублимируется, и человек не будет интересоваться ею.

В общем, все сказанное заставляет нас видеть в университетском учреждении орган спасения самой науки. Необходимость проводить жизнестойкий синтез и систематизацию знания для преподавания на "факультете" культуры разовьет тип научного таланта, который до сих пор возникал только по воле случая – таланта интегрирования. Люди, наделенные этим подлинным талантом, будут намного ближе к тому, чтобы быть хорошими преподавателями, чем те, которые погружены в традиционное исследование».

Все, что пишет Ортега, и разумно, и красиво. Но не все так просто сегодня. На общем собрании Российской академии наук 18 декабря 2003 года академик Н.П. Шмелев сделал доклад «Духовное здоровье российского человека», который начинался словами о сегодняшнем духовно-нравственном кризисе общества. И, конечно, все дело в тех условиях, в которых мы живем. О какой духовной нравственности можно говорить, если 40% населения страны живет в нищете, если вокруг ложь и коррупция, нет достойной пенсии, нет достойных медицинских услуг и т.д., и т.п. Наш человек никому не верит, он не доверяет жизни вообще. Более того, СМИ методично превращают человека в зверя. Разруха в жизни и в головах взаимосвязаны. Спасти Россию могут сохранение благополучия и потенциала народа. Нужно воспитать уважение к личности и к собственности.

Как сказал Н.П. Шмелев: «Любить надо не только березки, но и тех, кто живет среди них». Общество перестало верить власти, которая бросает деньги на ветер, а на образование, на науку, на искусство тратятся деньги «по цене спичек». Кто виноват? Виноваты бешеные прибыли и коррупция, СМИ и творческая интеллигенция, позволившая сделать себя ненужной обществу. Шмелев считает, даже убежден, что наибольшее падение общества произошло в 1998 году, поскольку непоправимых ошибок теперешняя власть не совершила. Но доверие к себе ей еще предстоит восстановить.

Замечу, что предлагаемые «комментарии...» писались в 2004 году. С тех пор произошли изменения в лучшую сторону: улучшилось финансирование науки и образования через программы и проекты, а образования – еще и через гранты учителям. Но сказанное выше не перестало быть актуальным.

Духовность и нравственность – сегодня понятия, далекие от общества. Но нельзя опускать руки. Что делать? По мнению Ольги Миттельман, учителя русского языка и литературы школы № 590 из Санкт-Петербурга, необходимо, по крайней мере, «образовывать литературой, по хорошему слову Джанни Родари: «не для того, чтобы все стали художниками, а чтобы никто не был рабом».

Вернемся к вопросу: «Станет ли наука экзотикой?» Он тесно связан с вопросом о духовном здоровье российского человека и со всем, о чем говорилось выше. Слово профессору Азбелю в его диалоге с профессором Кагановым:

«Мы с тобой хорошо помним то время, когда слово «ученый» было почти синонимом слов «добрый волшебник», а портрет Эйнштейна украшал множество обложек и висел на стенах в знакомых домах наравне с портретами предков. Эйнштейн воспринимался как квинтэссенция мудрости, не было такого положительного эпитета, который бы к нему не применялся, он стал символом всего хорошего.

Если мы сейчас полистаем газеты и журналы, то обнаружим, что хотя Эйнштейн еще и не стал символом всего плохого, но в них уже можно прочесть, что он был бабником и что украл основные работы даже не у Д. Гильберта или А. Пуанкаре (это было бы еще полбеда, все-таки они были великими учеными), а у своей первой жены Милевы Марич. Поэтому он с ней потом развелся, заранее при разводе отдав ей Нобелевскую премию, которую тогда еще не получил, но был уверен, что получит. Сделал он это не из благородства – просто самое малое, что он мог для Милевы сделать – это отдать заслуженную ею премию (насчет того, что отдал Нобелевскую премию – факт)... Сегодня ученые становятся символом всего плохого. Почему?»

Причин Азбель видит две: наука не обогатила те фирмы, которые на это справедливо рассчитывали, и не сделала обывателей счастливыми. Первое связано с тем, что патент, основанный на фундаментальном открытии, выдаваемый сейчас примерно на 20 лет, устаревает быстрее, чем начинает приносить дивиденды. Фирмам, занимающимся разработками в области фундаментальных наук, это не выгодно, да и конкуренция велика.

По поводу счастья обывателя. А что он слышит о науке каждый день? Либо, что она создала все зло на свете – от атомной бомбы до загрязнения окружающей среды, либо заклинания властей о важности науки, в которую обязательно надо вкладывать деньги, но, вот беда, – их нет. Наука, по мнению обывателя, поглощает бешеные деньги, он не понимает, что по сравнению со всем остальным – это абсолютные гроши. Кто ему это объяснит? Пресса? Она настроена антинаучно, она живет на деньги обывателя и с восторгом кричит науке «улюлю». В свободном обществе, если в науке никто не заинтересован – ни предприниматель, ни обыватель, ни правительство – никто на науку деньги тратить и не будет. Всерьез обсуждается вопрос о том, нужны ли точные науки, когда важнее готовить юристов, экономистов, психологов, социальных работников и т.п. Может ли в такой ситуации выжить наука?

Эта ситуация – не российская, она во всем мире (примером может быть Уотсоновский научный центр в ИВМ).

Беда в том, что ученые до сих пор не понимают, что должны себя защищать, не воспринимают себя как некую социальную группу.

Вернемся к диалогу профессоров.

Каганов: «Так что же, дай Бог, чтобы наука дожила до 2025 года?»

Азбель: «Или даже до 2015... Я не имею в виду, что перестанут существовать ученые. Просто научная деятельность станет экзотикой, вроде вырезания китайского шара в шаре».

Каганов: «Ты думаешь, что за ближайшие два десятилетия масштабы могут заметно измениться?»

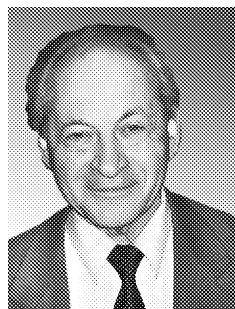
Азбель: «Да, скажем, вдвое. Я думаю, что количество денег, отпускаемых на науку, не будет существенно меняться, но за счет инфляции реальное их количество сильно уменьшится. Если, конечно, ученые не отвлекутся от своих бумаг и не создадут свое лобби, которое разъясняло бы обществу, что наука занимается нужными для него вещами...»

На классический вопрос: «Что делать?» однозначного ответа нет. Да, нужно лобби, потому что обществу необходимо объяснять роль фундаментальной науки в развитии цивилизации, его надо научить сравнивать затраты, скажем, военно-дипломатические и научные. Делать это надо постоянно и профессионально. При этом важную роль должны иметь научно-популярные издания, телевизионные передачи и кинофильмы. А будет ли безграмотное в научном отношении общество читать, смотреть передачи и фильмы? Если нет, то их не будут писать, печатать, создавать. Замкнутый круг? Но для того и нужно лобби.

Возвращаясь к названию статьи, процитируем вместо заключения Великую хартию университетов – MAGNA CHARTA UNIVERSITATUM):

«Университет является автономным институтом, функционирующим внутри обществ, организованных по-разному из-за различия географических условий и исторического наследия; путем исследований и обучения он производит культурные ценности, исследует их, оценивает и передает следующим поколениям.

Чтобы отвечать потребностям окружающего мира, в своей исследовательской и образовательной деятельности университет должен быть морально и интеллектуально независим от любой политической власти, равно как и от какой бы то ни было экономической силы».



Трубецков Дмитрий Иванович – родился в Саратове (1938). Окончил физический факультет Саратовского государственного университета (1960). Защитил диссертации на соискание ученой степени кандидата (1965) и доктора физико-математических наук в СГУ (1978) в области радиофизики. Заведующий кафедрой электроники, колебаний и волн факультета нелинейных процессов СГУ, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Президента РФ в области образования. Научный руководитель Лицея прикладных наук и факультета нелинейных процессов СГУ. Область научных интересов: вакуумная электроника и микроволновая электроника сверхвысоких частот, теория колебаний и волн, нелинейная динамика, история науки. Автор более двадцати учебных пособий и монографий, а также более двухсот статей в периодической печати.